

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XII

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Г. Л. Дмитриев

ИЗ ИСТОРИИ ИНДИЙСКИХ КОЛОНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Первые сведения о крупных поселениях индийцев в Средней Азии, имеющиеся в местных источниках, относятся к XVII в. Они содержатся в известном историческом труде Мухаммеда Юсуфа Мунши «Муким — ханская история» [12, 84—85].

Захват европейскими колонизаторами ведущих позиций в морской торговле Индии обусловил усиленное развитие индийской караванной торговли. Это обстоятельство, видимо, и явилось основной причиной возникновения крупных колоний индийских купцов и ростовщиков в странах Среднего Востока вообще и в Средней Азии в частности.

Особенности развития капитализма в Индии в условиях британского колониального господства, стеснявшего предпринимательскую деятельность зарождавшейся национальной буржуазии [14, 41, 55, 364, 374], способствовали в XIX — начале XX в. эмиграции представителей индийских торгово-ростовщических слоев в сопредельные страны. Это обстоятельство в свою очередь создавало предпосылки для сохранения индийских поселений в соседних с Индией государствах.

Индийские колонии просуществовали в Средней Азии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Потомки выходцев из Индии были зарегистрированы в качестве постоянных жителей среднеазиатских республик Всесоюзной переписью населения 1926 г. [6, 9].

Во второй половине XIX — начале XX в., по приблизительным подсчетам современников, в Средней Азии проживало 6—8 тыс. индийцев [9, 333; 16, 60; 10, 181]¹.

Район, откуда они прибыли в Среднюю Азию, легко установить по архивным и некоторым опубликованным источникам. Это прежде всего провинция Синд (г. Шикарпур и его окрестности), район Пешавара и Панджаб (города Лахор, Мультиан, Харипур, Лудхиана и Амритсар). Среди индийцев были уроженцы Кашмира, а также Дели, Аллахабада, Бомбея и др. [13, 3; 27, 19; 3. ф. И-1, оп. 32, д. 280; 5, 24.XI.1854, № 20].

Перечисление районов Индостана, откуда происходили проживавшие в Средней Азии индийцы, позволяет считать, что их основная часть по локальной принадлежности относится к Западной и Северо-Западной Индии, т. е. к районам, входящим ныне в состав как Пакистана, так и Индийской республики.

¹ Данные официальной статистики об их численности значительно занижены, так как русские колониальные власти не регистрировали проживавших в Средней Азии индийских мусульман.

Индийские выходцы чаще всего оседали в Бухарском ханстве, в его столице и провинциях. Они проживали в Бухаре, Гиждуване, Вангази, Вабкенте, Карши, Гузаре, Яккабаге, Чиракчи, Керки, Байсуне, Китабе, Кермине, Хатырчи, Нурата, Зияуддине, Шахрисябзе, Каракуле, а также в некоторых других вилайетах и туманах [3, ф. И-126, оп. 1, дд. 1132, 1133, 1134].

В Туркестанском крае индийцы селились в городах и кишлаках Ферганской, Самаркандской и в меньшей части Сырдарьинской областей. Индийцы проживали также в Семиреченской и Закаспийской областях [17]. В Хивинском ханстве индийских поселений, видимо, не было. Однако индийские купцы выезжали в Хиву по торговым делам на короткие (2—3 месяца) сроки.

Препровождение индийцев в Средней Азии, как правило, было временным. Максимальный срок проживания индийца в Туркестане и Бухаре — 10—15 лет, после чего большинство возвращалось на родину. В связи с этим специфической особенностью индийских поселений являлось постоянное обновление их состава, происходившее буквально ежегодно из-за отъезда одних индийцев на родину, приезда других и т. д. В подавляющем большинстве случаев семьи индийцев оставались в Индии. Лишь иногда в Среднюю Азию прибывали жены и дочери индийцев [15, приложение 3].

Среди индийцев в Средней Азии были как последователи индуизма, так и мусульмане. Довольно значительную прослойку составляли сикхи. Кроме этого имелось еще незначительное число гебров².

Многие из индийских выходцев принадлежали к синдской торговой касте бхатия. Наряду с ними в Средней Азии проживали члены марварийской торгово-ростовщической касты бания. Нередко здесь селились и представители других индийских торговых каст — синдской касты лохана, панджабской касты кхатри, смежной с ней мусульманской торговой касты Западной Индии ходжа, смешанной индомусульманской торговой касты Западной Индии бохра и т. д. [3, ф. И-1, оп. 31, д. 677, лл. 9—10, 16; оп. 32, д. 280, л. 473].

Для индийских выходцев в Средней Азии было характерно стремление к совместным поселениям. В этих целях ими использовались такие традиционные для среднеазиатской экономической жизни центры, какими являлись караван-сарай. В местах наиболее крупных поселений индийцы, как правило, занимали несколько караван-сараяев (Ташкент, Бухара, Самарканд) [3, ф. И-126, оп. 1, д. 1133; 8а, 23; 26, 184]. Иногда жилища индийцев были расположены в одном районе города, близко друг от друга и образовывали так называемые «индийские ряды» (Старый Маргелан, 80-е годы XIX в.) и «индусские кварталы» (Сардобинское аксакальство г. Немангана, начало XX в.) [3, ф. И-19, оп. 1, д. 10758, л. 53; д. 28889, л. 17].

Существование в Средней Азии именно компактных индийских поселений — явление далеко не случайное. Феодалный произвол, имевший место в среднеазиатских ханствах до присоединения к России, побуждал индийцев к коллективной самозащите, которая, естественно,

² Поскольку ни русская, ни бухарская статистика (в том виде, в каком она вообще существовала) не учитывала особо индийцев-мусульман, то установить количественное соотношение между различными религиозными прослойками индийских выходцев не представляется возможным. На основании же косвенных данных, содержащихся в архивных документах, можно предполагать, что индуисты и сикхи преобладали среди индийцев, живших в Туркестане, а индийские мусульмане более часто селились в Бухаре. Впрочем, в начале 80-х годов XIX в. в столице ханства, по подсчетам английского агента Гуляб-хана, среди индийцев было 200 мусульман и 400 индусов [5, 1882, № 587 Sec].

могла быть более эффективной, чем действия одного человека. С другой стороны, многие из них были купцами и ростовщиками, наживавшимися за счет коренного населения. Следовательно, их отделяли от местных трудящихся не столько национально-религиозные отличия, сколько классовые противоречия. Сознвая это, индийцы стремились сохранить совместные поселения, чтобы сообща защищаться и защищать свои классовые интересы.

Из своей среды индийцы выдвигали особых старшин, которые по среднеазиатской традиции назывались аксакалами. Индийские аксакалы имелись во всех местностях, где проживало более или менее значительное число уроженцев Индии. Суммируя сведения архивных источников о действиях индийских старшин, можно прийти к следующему выводу. Аксакал в случае необходимости вступал в контакты с представителями бухарских и русских колониальных властей от имени всех индийцев данной местности. Он мог или возбуждать различные ходатайства, или выполнять среди своих соотечественников поручения властей, вытекавшие из существовавшего правопорядка [3, ф. И-1, оп. 31, д. 848, л. 13; ф. И-126, оп. 1, д. 96].

Следовательно, основной функцией индийских аксакалов были официальные отношения с бухарскими и русскими властями и защита интересов всех индийцев в целом. Естественно, отправление и этих функций не могло осуществляться индийскими аксакалами исключительно по собственной инициативе: они неизбежно должны были опираться на доверие по крайней мере большинства или зажиточной части своих земляков. Дело обстояло именно так, поскольку индийские аксакалы не назначались бухарскими или русскими властями, а избирались самими индийцами. Факты совместных поселений индийских выходцев в Средней Азии и наличие у них выборных старшин свидетельствуют о существовании среди индийцев прочных общественных связей, несколько выходивших за пределы чисто бытового общения. Наличие таких связей подтверждается практикой взаимоотношений бухарской и русской администрации с выходцами из Индии.

Например, бухарские, а вслед за ними и русские колониальные власти при утверждении в правах наследников умерших в Средней Азии индийцев требовали, чтобы подлинность завещаний была засвидетельствована всеми индийцами, жившими в данной местности [3, ф. И-1, оп. 29, д. 238, л. 2].

Туркестанская администрация помимо этого требовала свидетельства всех индийцев определенной местности о «благонадежности» их соотечественников, намеревавшихся совершить поездку по Туркестанскому краю [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1477, лл. 1, 3, 5, 9 и т. д.]. В отдельных случаях русские власти признавали за индийцами определенную автономию в решении некоторых гражданских дел, допуская организацию третейских судов [3, ф. И-1, оп. 22, д. 204]. Иногда уроженцам Индии предоставлялось право брать на поруки своих земляков, совершивших незначительные преступления [3, ф. И-36, оп. 1, д. 621, лл. 209, 283].

По всей вероятности, случаи, когда власти имели дело со всеми индийскими выходцами, проживавшими в определенной местности, были настолько часты, что возникла необходимость в выработке устойчивого термина для их обозначения. В документах канцелярии кушбеги эмира бухарского для этих целей употреблялся термин *جماعة هندوان*, т. е. («община индусов») [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93]. Нечто подобное имело место и в русской официальной переписке с той лишь разницей, что туркестанская администрация не успела выработать единой терминологии для обозначения этого понятия. В связи с этим

русские чиновники пользовались терминами «индийское общество», «община земляков», «колония» [3, ф. И-1, оп. 29, д. 238, л. 2; ф. И-17, оп. 1, д. 1663, л. 1; ф. И-36, оп. 1, д. 1287, л. 18].

Это, естественно, не означает, что индийцы имели в Средней Азии какую-то оформившуюся организацию типа общины. Каждый из них добывал средства существования своими силами. Между ними сохранялись религиозно-кастовые различия. В таких условиях было практически невозможным возникновение как бытовых, так и религиозных общин, охватывающих всех индийцев в данной местности. В Средней Азии могли возникнуть и действительно возникали лишь объединения, не обладавшие широкими полномочиями по отношению к каждому отдельно взятому члену. Все это дает основания квалифицировать индийские колонии в Средней Азии как своеобразные землячества.

По социальному составу индийские землячества не были однородны. Преобладающее положение в них занимали торговцы и ростовщики. Вместе с ними в индийских поселениях проживали также слуги и нищие. Из 136 индийцев, зарегистрированных в 1875 г. в Ташкенте, 36 человек были слугами у своих соотечественников и, кроме того, имелось еще пятеро нищих [3, ф. И-17, оп. 1, д. 385, л. 6—9]. Аналогичная картина наблюдалась и в других индийских колониях в Средней Азии.

Социальные различия прослеживаются и на примере кастового состава немусульманской части индийских землячеств. Наряду с членами упоминавшихся выше торгово-ростовщических каст здесь проживали лица, принадлежавшие к касте кули [3, ф. И-1, оп. 31, д. 677, л. 7, 9—10]. Тот факт, что отдельные индийцы занимались в Средней Азии хлебопашеством, свидетельствует о наличии среди них представителей индийского крестьянства [3, ф. И-5, оп. 1, д. 2655, л. 13]. Содержащиеся в архивных документах упоминания об индийских ювелирах, переплетчиках, ткачах, пекарях, лепешечниках говорят о проживании в Средней Азии выходцев из среды индийского ремесленничества [3, ф. И-36, оп. 1, д. 3326, л. 10]. Наконец, особого упоминания заслуживают данные о приезде в Туркестан в начале XX в. индийцев-чернорабочих, что свидетельствует о присутствии пролетарского элемента в индийских колониях [3, ф. И-1, оп. 32, д. 213, л. 126].

Индийские купцы на протяжении всего описываемого периода поставляли в Среднюю Азию товары традиционного индийского экспорта (чай, индиго, кисея и т. д.). Оптовый ввоз этих продуктов в Бухару находился в руках индомусульманского купечества, их розничную реализацию в Туркестане осуществляла немусульманская часть индийских землячеств. Таможенные нормы, введенные после присоединения Туркестанского края к России, временно сократили экспортные операции индийских купцов в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях (70—80-е годы XIX в.). Однако индийцы проявляли постоянную заинтересованность в развитии индо-среднеазиатской торговли и совместно с бухарским купечеством не раз выступали инициаторами ее расширения [3, ф. И-1, оп. 34, д. 524, л. 8]. Не дожидаясь ответных шагов царских властей в этом направлении, индийские купцы, так же как персидские и бухарские, добивались расширения ввоза индийских товаров в Среднюю Азию. В конце 80-х годов XIX в. индийские купцы отказались от транспортировки своих товаров через Афганистан и начали ввозить их более дешевым и безопасным путем — через Персию. После открытия Закаспийской железной дороги по их инициативе был поднят вопрос об открытии наиболее дешевого транзитного пути Бомбей — Батум — Кавказ — Красноводск [3, ф. И-1, оп. 34, д. 714, л. 1—2].

Официальное разрешение на провоз индийских товаров этим путем было получено в 1894 г.

С открытием морского транзита индийские купцы частично восстановили свои позиции на рынках Туркестана. Особо широкое распространение получила торговля чаем. В 1881 и 1892 гг. среди занятий живших в Ташкенте индийцев в документах ни разу не упоминается чае-торговля, а в 1896 г. шесть торговцев-индийцев уже занимались этим видом коммерции [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1962, л. 7; д. 3326, л. 10; д. 3691, л. 24]. В 70—80-х годах XIX в. индийские чае-торговцы действовали только в пределах Бухарского ханства (8—10 пешаварских купцов-оп-товиков). После открытия морского транзита их число увеличилось до 70 (начало XX в.) [3, ф. И-46, оп. 1, д. 361, л. 2, 13]. Сохраняя почти монопольное положение на бухарском чайном рынке, индийцы посте-пенно проникли и на рынки Туркестанского края. В г. Самарканде, ставшем с начала XX в. крупнейшим центром чайной торговли в Сред-ней Азии, индийские купцы открывают свои чае-развесочные предприя-тия. Из десяти подобных заведений, существовавших там в 1907—1910 гг., три принадлежали индийцам [3, ф. И-46, оп. 1, д. 269, лл. 77—78].

В конце XIX — начале XX в. индийские купцы активизировали свои операции по сбыту индиго и кисеи в Туркестане, Бухаре и Хиве. В этот же период они экспортировали из Средней Азии в Афганистан, Каш-гар, а иногда и в Индию крупные партии шелка-сырца, русской фар-форовой посуды и мануфактурных изделий [20].

Активное участие принимали индийские выходцы в торговых обо-ротах между Туркестанским краем и среднеазиатскими ханствами. Особенно крупные операции они вели в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. с Кокандским ханством. Из Коканда в Ташкент привозили хлопок и ткани кустарного производства, кашгарские шелковые, шер-стяные и хлопчатобумажные материи, ковры, халаты, краски и т. д. В Коканд вывозили русское железо, медь, сталь, котлы, ситец, сахар и др. [3, ф. И-471, оп. 1, д. 10, л. 10, 33, 44 и др.].

На базарах Туркестанского края индийцы вплоть до 1917 г. тор-говали среднеазиатскими изделиями кустарного производства и рус-скими промышленными товарами, иногда «в развоз по кишлакам» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 267, л. 441]. Значительное место в их деятельности в конце XIX — начале XX в. занимала скупка сельскохозяйственного сырья — зернового хлеба, хлопка, шерсти, каракуля и т. д. [3, ф. И-2, оп. 2, д. 586, л. 1, 2, 7, 10, 13].

После присоединения Средней Азии к России индийские купцы включились в торговлю с внутренними областями страны. С течением времени они установили прочные деловые связи с центральными рус-скими фирмами, регулярно получали от них товары, участвовали в Ни-жегородских ярмарках [3, ф. И-185, оп. 1, д. 132, л. 100; ф. И-1, оп. 32, д. 247, л. 114].

Заметную прослойку среди выходцев из Индии составляли ростов-щики, являвшиеся, как правило, индуистами и сикхами по вероиспове-данию. Ростовщичество получило среди них особое распространение в 70-х годах XIX в. Уже в 1871 г. туркестанская колониальная адми-нистрация предприняла первую попытку ограничить ростовщические операции индийцев: военный губернатор Зеравшанского округа пред-писал преследовать индийцев-ростовщиков на основании уголовного за-конодательства [3, ф. И-1, оп. 20, д. 3677, л. 3]. Однако вплоть до 1877 г. эффективных мер принято не было. Лишь 27 октября 1877 г. туркестан-ский генерал-губернатор К. П. Кауфман издал циркуляр «О парализо-

вании эксплуатации туземного населения индийскими выходцами», который запрещал индийцам-ростовщикам приобретать земельную собственность в сельских местностях [3, оп. 27, д. 517, л. 5]. Введение этой нормы на практике послужило толчком к постепенному сокращению числа ростовщиков среди индийских выходцев и переходу их к более активному ведению внешних и внутренних торговых операций в Туркестане. Высокий удельный вес среди прочих занятий индийцев ростовничество вплоть до начала XX в. сохранило лишь в Бухарском ханстве.

Некоторые выходцы из Индии занимались капиталистическим предпринимательством. Так, в 1887 г. Бай Балагулев получил свидетельство на право «золотых и горных поисков» [3, ф. И-1, оп. 16, д. 208, л. 16]. Отдельные же индийцы еще в 70-х годах XIX в. поставляли сырье на русские заводы: Параман Лагуринов — кишмиш на винокуренные предприятия [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1027, л. 245], упомянутый выше Бай Балагулев — виноград [3, ф. И-504, оп. 1, д. 3109, л. 1]. Принадлежавшие индийским купцам чаеразвесочные предприятия в Самарканде также являлись предприятиями капиталистического типа. В 1906 г. на предприятиях пешаварца Фазлиахмедова было занято 30 постоянных наемных рабочих [3, ф. И-46, оп. 1, д. 136, лл. 213—214]. В 1909 г. на предприятиях его соотечественников Шамсутдинова и Илляхи Бахша насчитывалось соответственно 23 и 10 наемных рабочих [3, ф. И-46, оп. 1, д. 269, лл. 178—179].

В 1896 г. индиец Бай Балагулев в компании с А. Я. Епифановым построил хлопкоочистительный завод в кишлаке Машад Наманганского уезда [3, ф. И-504, оп. 1, д. 783, л. 75]. Хлопкоочистительный завод в Андижане построил в 1907 г. и другой выходец из Индии — пешаварец Акуб-Шейх Нурханов [3, ф. И-19, оп. 1, д. 26793, л. 2].

Уроженцы Индии, прежде всего, естественно, немусульмане, своим внешним видом резко отличались от коренного населения Средней Азии. Наряду с антропологическими особенностями специфичной была одежда индийцев. Их верхняя одежда обычно состояла из черной квадратной шапки, короткого и узкого темного халата с мелким рисунком, подпоясанного веревкой, узких шаровар и низкой кожаной обуви [22, 126].

Своеобразной была и прическа, которую носили индийцы. Вместо бритья всей головы, как это принято у мусульман, они брили волосы только на лбу. На темени же волосы обычно заплетались в косичку или ниспадали прядями почти до плеч [11, 293].

В рассмотренных нами источниках нет упоминаний о том, что в описываемый период индийцы возводили в Средней Азии какие-либо постройки. Более того, даже так называемые индийские караван-сарай обычно именуются в русских официальных документах объектами «туземной каркасной постройки» [3, ф. И-18, оп. 1, д. 13168, л. 5]. Следовательно, с внешней стороны жилища индийских выходцев ничем не отличались от жилья местного коренного населения.

Немецкий путешественник М. Альбрехт, побывавший внутри индийского караван-сарая в Бухаре в 90-х годах XIX в., сообщает, что внутренняя сторона окружавших его стен была побелена и на этот фон красной краской были нанесены «причудливые» рисунки. По его же сообщению, стены жилых помещений этого караван-сарая также были украшены многочисленными пестрыми узорами [22, 123].

Таким образом, можно предполагать, что во внутреннем убранстве своего жилья индийцы старались сохранять национальный колорит.

Индийские выходцы в Средней Азии были лишены возможности строить храмы и другие религиозные сооружения вследствие прямого

запрета мусульманских властей. В связи с этим они были вынуждены использовать в религиозных целях помещения внутри своих караван-сараев. В литературе сохранились описания этих молелен, находившихся в индийских караван-сараях Ташкента, Коканда и Бухары. Судя по этим описаниям, во всех молельнях имелись небольшие алтари, на которых было выставлено множество фигурок, изваянных из камня. В Коканде в молитвенном помещении помимо идолов была еще и картина, изображавшая Вишну, которая хранилась в особом шкафу [26, 184; 24, 100; 25, 358].

Английский путешественник Г. Лэнсдель, посетивший Туркестан и Бухару в 80-х годах XIX в., сообщает, что видел большое количество книг в индийских молельнях в городах Бухаре и Коканде. В Бухаре они помещались в шкафу непосредственно в молельне, а в Коканде для них была выделена смежная с ней комната. Особо ценная книга (вероятно, сборник религиозных гимнов) хранилась в молитвенном помещении Коканда рядом с алтарем под покрывалом с подвесками [24, 100].

Сведения о наличии книг в молельнях наводят на мысль о том, что выходцы из Индии, исповедовавшие одну и ту же религию, имели в Средней Азии нечто вроде общественных религиозных библиотек. Еще более укрепляет в этом мнении тот факт, что ведомость о сборе джизии по г. Бухаре от 12 мухаррама 1307 г. (1889 г.) упоминает трех индийских священнослужителей, ведавших библиотекой в караван-сарае в «Карши» سه نفر پيرزاده کتابخانه [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

В индийских молитвенных помещениях имелись также иконы. Одна из них, неизвестно каким путем попавшая в Туркестан из Бенареса, находилась в Ташкенте. Судя по описанию одного из корреспондентов ташкентской газеты «Просвещение», это была очень древняя икона, изображавшая богиню Кали. Она была «писана на доске в 1 аршин вышины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины, укреплена на толстой жести и закована в крепкую деревянную раму» с тяжелой цепью, которой икона, очевидно, прикреплялась к стене, и с лицевой стороны для сохранности защищена толстым стеклом [18].

При молитвенных помещениях выходцев из Индии имелись специальные священнослужители, именовавшиеся в русских и бухарских документах «пирзада». При приезде в Туркестанский край индийские священнослужители, испрашивая у властей разрешение на проживание, обычно заявляли, что прибыли сюда «для исполнения обязанностей духовного лица (жреца) при богослужении, т. е. для чтения молитв по утрам... индусам» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 286, л. 330].

Некоторый контраст с этим представляет заявление приехавшего в 1907 г. в Наманган индеец Тульсамалы Сабраджа. Он сообщил русским властям, что прибыл «с целью служить при молельном доме индусов суфием» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 248, л. 179]. Если авторы документа правильно употребили мусульманский термин по отношению к индуисту, то речь здесь идет о церковном служке, обычно исполнявшем обязанности муэдзина и следившем за чистотой в молитвенном помещении.

Из изложенного следует, что обязанности лиц, обозначавшихся одним и тем же термином «пирзада», могли быть совершенно различными в религиозной жизни индийцев.

Пристального внимания заслуживают также следующие сведения об индийских пирзада, содержащиеся в архивных документах.

Если большинство индийцев имело на родине семьи, то их священнослужители обычно бывали холостяками и даже подчеркивали, что

«не женаты потому, что исправляют должность попа» [3, ф. И-510, оп. 1, д. 25, л. 15].

Далее, пирзада живших в 80-х годах XIX в. в Старом Маргелане выходцев из Индии, по свидетельству одного из источников, «был человек бедный и жил исключительно подаением, даваемым ему прочими индийцами» [3, ф. И-23, оп. 1, д. 239, лл. 6—7]. Аналогично охарактеризован соотечественниками и пирзада ташкентских индийцев Миссар Аманомаль, который был «их священный человек, состоял у них в мечети священником и жил на общественные пожертвования» [1, ф. Главный архив, П-7, оп. 43, 1882, д. 5, л. 330].

Наконец, весьма интересно заявление индийца Баба Начальдасова о том, что «он хочет... жить в Ферганской области как духовное лицо своих соотечественников взамен отъезжающего Ибкумала Хирарама» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 261, л. 26].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что индийские пирзада отличались от своих соплеменников по семейному положению, зачастую состояли на иждивении своих прихожан и имели какую-то преемственную связь между собой. Все это дает довольно веское основание для вывода о наличии среди индийцев в Средней Азии представителей профессионального индийского духовенства.

Индийские выходцы, проживавшие в Туркестане и Бухаре, придерживались характерной для адептов индуизма замкнутости в быту. Очевидцы отмечали: «Обедают они (индийцы.— Г. Д.) каждый из особой чашки и особой ложкой, которую не дают никому в руки даже из родных. Посуда, к которой прикоснулся иноверец, считается у них нечистой, так же как и огонь, если кто-нибудь неиндиец возьмет из него хотя бы один уголь» [21].

Внутри индийских караван-сараев были расположены лавки, из которых индийцы и получали «все необходимое» «яэпйитни эж хюво ло. Это привело к появлению внутри индийских поселений своеобразного обслуживающего персонала. Бухарские ведомости о сборе джизьи упоминают среди индийцев пекарей (نان پز), поваров (آش), кондитеров (حلواگر) и даже парикмахеров (سرتراش) [11, 293; 3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

Несмотря на такую замкнутость, отдельные стороны быта индийских выходцев все же оставили некоторый след в среднеазиатских источниках. Это связано с тем обстоятельством, что индийцы находились в повседневных контактах и поддерживали постоянные связи с представителями различных слоев населения Средней Азии.

Сохранилось множество свидетельств о ритуальных омовениях, которые индийцы совершали ежедневно по утрам в любое время года. Местами омовений обычно служили арыки, протекавшие по дворам индийских караван-сараев. В случае их отсутствия купание заменялось простым обливанием водой с головы до ног. Иногда имелись специальные сооружения в виде купален, предназначенные только для совершения омовений. Такая купальня находилась, например, в 80-х годах XIX в. в г. Андижане в караван-сарае индийца Суфи Рамсу [3, ф. И-511, оп. 1, д. 65, л. 1].

Для индийцев, проживавших в Средней Азии, был характерен традиционный в индуизме взгляд на корову как на священное животное. Э. Эверсман, посетивший Бухару в начале 20-х годов XIX в., отмечал, что местные индийцы сообща держали священную корову, которой поклонялись [23, 76].

В соответствии с канонами индуизма индийские выходцы-немусуль-

мане совершали и свои похоронные обряды. Архивные документы содержат сведения о регламентации этого обряда в описываемый период. Каждый раз индийцы информировали местные бухарские и русские власти о смерти своего соплеменника. Администрация же выделяла специальных людей из числа полицейских и судебных чиновников, которые присутствовали при кремации в специально отведенном для этого месте (по бухарской терминологии, *جریا مقبریز*) [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

Можно предполагать, что представители местных властей присутствовали при трупосожжениях по просьбам самих индийцев, поскольку среднеазиатские мусульмане считали «сжигание трупа поруганием человеческого праха» и могли помешать исполнению обрядовых норм [10а, 1894, № 9].

Населению Средней Азии были известны по крайней мере два крупных индуистских праздника. Об одном из них — празднике в честь Кришну — упоминается в материалах Кокандского уездного суда. Кокандские индийцы отмечали его 25 февраля (9 марта) 1879 г. столь пышно и шумно, что дело в конце концов дошло до драки и судебного разбирательства [3, ф. И-510, оп. 1, д. 26, л. 1].

Большой знаток Туркестана Н. Лыкошин посетил и подробно описал аналогичный праздник, отмечавшийся ташкентской колонией индийцев в феврале 1896 г. Торжество, по его описанию, сопровождалось угощением, состоявшим из индийских национальных блюд, хоровым пением под аккомпанемент бубна и литых колокольчиков, а также своеобразным маскарадным шествием [10а, 1896, № 92].

В материалах канцелярии кушбеги эмира бухарского сохранился отчет главного миршаба (полицмейстера) г. Бухары о другом индуистском празднике. К сожалению, этот документ не датирован. Однако, судя по бумаге русского производства, на которой он написан, его с уверенностью можно отнести к описываемому периоду. Автор документа, посетивший торжество по приглашению нескольких именитых индийцев из караван-сарая «Карши», называет его «праздником светильщиков» (*عید چراغان*). По его словам, все внутренние помещения караван-сарая были заставлены многочисленными лампадами [3, ф. И-126, оп. 1, д. 822]. Это краткое описание внутреннего убранства показывает, что речь идет о празднике «дивали» в честь богини Лакшми.

Индийские выходцы, жившие в Ташкенте, отмечали этот праздник в октябре месяце. Их караван-сарай по случаю торжества также освещались сотнями керосиновых ламп. Как и весной, празднество сопровождалось угощением, певцы и музыканты исполняли песни «религиозного и поэтического характера». Однако в отличие от весеннего осенний праздник сопровождался своеобразным постом. В этот день индийцы не употребляли спиртных напитков, а «те из них, которые в обычное время разрешали себе есть баранину... ограничивались растительной пищей» [10а, 1896, № 92].

Обряды и празднества индийских выходцев были известны не единицам, а широкому кругу лиц из среды коренного населения Средней Азии. Ведь только благодаря широкой известности специфического отношения индийцев к коровам у предприимчивых людей могла зародиться мысль об использовании этого отношения в своих меркантильных интересах. Совершенно не случайно жители Бухары накануне индуистских праздников приводили своих коров в индийские караван-сарай. Индийцы посыпали последних сухой красной краской и возно-

сили им молитвы. В знак благодарности хозяевам они кормили коров семенами хлопка, т. е. таким кормом, который был вряд ли доступен для большинства владельцев животных [22, 123].

Упоминавшийся выше бухарский миршаб особо подчеркивал в своем отчете, что он был приглашен индийцами на праздник в соответствии с установившимся обычаем (بدستور هزساله). Такое приглашение означает, что о значительных событиях в жизни индийских выходцев был осведомлен широкий круг лиц из числа коренного населения Бухары. То же самое можно сказать и о жителях Ташкента. Н. Лыкошин отмечал, что во время одного из индуистских праздников «крыши четырехугольного сарая (индийского караван-сарая.— Г. Д.) сплошь были покрыты любопытными туземцами; многие из них вошли даже во двор и смешались с... индусами» [10а, 1896, № 92].

Не менее широко были известны в Средней Азии и индийские погребальные обряды. В 90-х годах XIX в. они обычно собирали из соседних кишлаков толпы зрителей, которые сидели «в течение всей церемонии поблизости» [10а, 1894, № 9]. Интерес к погребальным обрядам индийцев проявляло и европейское население Туркестана. Из приведенного выше описания Н. Лыкошина следует, что на одном из индийских погребений в 1894 г. присутствовали многие жители европейской части Ташкента, все русское чиновничество с начальником города во главе [10а, 1894, № 9].

Выше были отмечены отдельные специфические особенности быта немусульманской части индийских выходцев, резко выделявшие их из среды коренного населения Средней Азии. На основании приведенных фактов можно констатировать, что индийцы сохраняли основные черты, свойственные бытовой культуре их родины. Поэтому представители различных слоев населения Средней Азии имели возможность близко знакомиться с ней. Многое в этой области в силу своей специфики привлекало внимание широкого круга людей, которые получали более или менее точное представление о чрезвычайно самобытной культуре соседней страны. За этим фактом нельзя не признать определенное просветительское значение, поскольку при низком уровне грамотности непосредственное живое общение с индийцами было для большинства единственным источником знаний и представлений об Индии.

В дошедших до наших дней личных архивах выходцев из Индии [2, Ms. Ind. IV, 12, 22] сохранилось значительное количество самых разнообразных документов на таджикском языке. Наряду с расписками должников о получении ссуд среди них встречаются и чисто бытовые записи, сделанные самими индийцами. Примером может служить собственноручная записка Кирпалдаса, адресованная его клиентам: «Кирпалдас сын Джасу уехал в Янги-Курган. У кого есть дело может вызвать его оттуда» [2, Ms. Ind. IV, 22].

Сохранились прямые сведения и о некоторых индийцах, владевших узбекским языком. Таким был, например, выходец из Кашмира Кабир-шах Мустафин, проживавший с семьей в кишлаке Бекабад Пскентской волости Ташкентского уезда (90-е годы XIX в.), а также уроженцы Шикарпура Кирпомаль и Сукумаль, приехавшие в 1909 г. в Ташкент [3, ф. И-1, оп. 31, д. 586, л. 58]. Индийцы же Садумаль Химанмалев, Хаса Хундаев, Гулямаль Химальмалев и Мусхямаль Химанмалев владели узбекским языком настолько, что могли давать на нем свидетельские показания в Скобелевском суде в 1913 г. [3, ф. И-133, оп. 1, д. 1386, л. 7].

Все эти факты говорят о том, что индийцы, в особенности проживавшие в районах с преобладающим узбекским населением, в силу

практической необходимости изучали и узбекский язык. Есть все основания предполагать, что многие индийцы достаточно хорошо знали языки коренного населения Средней Азии, поскольку без этого их деятельность на коммерческом поприще была бы невозможна.

После присоединения Средней Азии к России индийцам приходилось очень часто вступать в различные, большей частью чисто деловые контакты с русскими купцами, предпринимателями и администрацией. В связи с этим среди них очень скоро появились лица, овладевшие разговорным русским языком. Уже в 70-х годах XIX в. в Ташкенте проживал некий Нукра Бута, «освоивший русский язык» [3, ф. И-1, оп. 16, д. 1001, л. 27].

Однако овладеть русским языком удавалось не всем индийцам. Видимо, поэтому среди них нашлись такие, кто обслуживал своих соотечественников в качестве переводчиков. В нашем распоряжении имеются сведения по крайней мере об одном из них — Пирдасе Шабильдасове, жившем в Ташкенте в 1904 г. [3, ф. И-1, оп. 31, д. 282, л. 5].

Отдельные факты свидетельствуют, что некоторые выходцы из Индии активно стремились и к более глубокому изучению русского языка. Индиец Пуран-Сингх, например, живший в 1878 г. в Самарканде, в возрасте 32 лет с целью изучения русского языка регулярно посещал русскую школу для взрослых и, по свидетельству соседей, почти напролет читал русские книги [3, ф. И-5, оп. 1, д. 2595, л. 6, 8].

В 1877—1878 гг. в начальной русской школе г. Каттакургана обучался 16-летний индиец Мансок. В качестве обязательных предметов в этой школе изучали русский язык, арифметику, катехизис и священную историю. Однако учителя проявляли веротерпимость и не понуждали мальчика-индийца изучать начала чуждой ему религии. В связи с этим он аттестовался только по русскому письму, чтению и арифметике [3, ф. И-47, оп. 1, д. 82, л. 30]. Кстати говоря, школа, в которой обучался Мансок, по отзывам современников, была единственной в Зеравшанском округе, где дети коренного населения, обучаясь вместе с европейцами, получали не формальное, а действительное знание русского языка [3, ф. И-47, оп. 1, д. 97, л. 3].

Сам факт обучения мальчика-индийца в русской школе совместно с русскими детьми может служить довольно яркой иллюстрацией отношения русских властей к выходцам из Индии. Достаточно вспомнить, что в Южной Африке дети так называемых свободных индийцев не имели права посещать европейские школы [7, 189].

С течением времени участились случаи, когда индийцы утрачивали связи с родиной, обзаводились в Средней Азии семьями и оставались здесь на постоянное жительство. Потомки этих индийцев, видимо, не всегда имели ясное представление о своем родном языке. Так, Всесоюзная перепись населения 1926 г. зарегистрировала на территории Средней Азии 37 индийцев, ставших гражданами СССР. Пятеро из них считали родным языком русский и один человек — узбекский [6, 9].

Изучение русского языка выходцами из Индии можно считать начальным звеном в процессе зарождения непосредственных русско-индийских культурных связей на территории Средней Азии. На этой базе могли возникнуть и, как показывают архивные источники, действительно возникали различные формы культурного общения индийцев с представителями русского населения Туркестанского края.

Выше уже упоминался Пуран-Сингх, проявлявший определенный интерес к русской литературе. В дальнейшем, в частности в 90-х годах XIX в., склонность к ознакомлению с культурной жизнью русского Туркестана проявляли уже многие индийцы, проживавшие в Ташкенте.

Показателем этого может служить тот факт, что они регулярно посещали русские театры [3, ф. И-1, оп. 29, д. 1292, л. 1].

Многие выходцы из Индии пользовались услугами русских медицинских учреждений Туркестанского края. В одной только Ферганской области за медицинской помощью к русским врачам в 1887 г. обращалось 57 индийцев [15, 15].

В коллекции Хаса Джаса, содержащей личные документы индийца, долгое время прожившего в Средней Азии, сохранился даже рецепт на получение лекарства, выданного русским врачом [2, Ms. Ind., IV, 22]. Этот факт свидетельствует о том, что индийцы пользовались услугами туркестанских аптек.

Индийцы, проживавшие на территории Бухарского ханства, где практически не существовало системы медицинского обслуживания населения, довольно часто приезжали в Ташкент и другие города русского Туркестана для лечения у русских врачей. Отдельные из них для этой цели выезжали даже в Москву и Петербург [3, ф. И-1, оп. 32, д. 270, л. 147; д. 280, лл. 175, 203, 263, 282].

Пребывание индийцев в Средней Азии после ее присоединения к России вызывало интерес у русских востоковедов. Уже в 1867 г. видный русский ориенталист П. И. Пашино опубликовал статью «Рассказы кашмирцев об их родине», материал для которой был собран автором во время бесед с выходцами из Кашмира в Ташкенте. Статья эта содержала сведения о природе, экономике, населении и политическом устройстве Кашмира и представляла собой едва ли не первую попытку описания этого княжества в русской научной литературе [8].

Отдельные индийцы принимали участие в русских научных экспедициях по изучению Средней Азии. Одним из них был Рамчандр Баладжи, уроженец Битхура (Центральная Индия). После подавления народного восстания 1857 г. в Индии Рамчандр, происходивший из аристократической семьи, был вывезен англичанами в Европу, где и получил образование. Бежав из-под опеки англичан, он неоднократно пытался вернуться на родину. В 1878 г. Рамчандр приехал в Россию и некоторое время провел в Средней Азии [18]. Дальнейшие его попытки вернуться на родину, видимо, потерпели неудачу, и он был вынужден, по данным следившей за ним английской разведки, поселиться в Константинополе [5, 1886, № 18].

Во время пребывания в Петербурге Рамчандр познакомился со многими русскими учеными, в том числе с географом П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, индологом И. П. Минаевым, санскритологом К. А. Косовичем, ориенталистом В. В. Григорьевым и др. Их рекомендательные письма, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о том, как высоко они ценили ум и образованность Рамчандра [3, ф. И-1, оп. 1, д. 588, лл. 1, 6—7].

Летом 1887 г. Рамчандр вместе с так называемой Самарской научной экспедицией совершил большое путешествие по Средней Азии. По поручению руководства экспедиции он провел самостоятельную рекогносцировку одного из рукавов древнего русла Амударьи — Узбоя. По свидетельству многих участников экспедиции, он «полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды и доверие» [3, ф. И-40, оп. 1, д. 17, л. 8].

В конце 90-х годов администрация Туркестанского края предприняла попытки организовать систематическое изучение восточных языков русскими чиновниками и офицерами. В 1895 г. был поднят вопрос об изучении языка хиндустани, одного из наиболее распространенных в Северной Индии. В процессе подготовки преподавателей этого языка

русские востоковеды широко опирались на помощь живших в Средней Азии индийцев.

В 1896 г. в г. Бухару, где было много уроженцев Индии, владевших хиндустани, был командирован поручик Выгорницкий с заданием практически изучить хиндустани в процессе общения с индийцами. В том же году туда же был направлен с аналогичным поручением штабс-капитан Гильфердинг. Последний поселился в Старой Бухаре среди индийцев. Один из них согласился обучать его разговорному хиндустани и «разъяснял своему ученику некоторые народные обороты речи, с которыми нельзя было ознакомиться по учебникам, и обучал произношению этого языка» [3, ф. И-3, оп. 2, д. 35, лл. 24, 62—63]. Богатую разговорную практику Гильфердинг имел во время частых посещений индийских караван-сараев и бесед с их жителями.

С открытием в 1897 г. курсов языка хиндустани в Асхабаде и Ташкенте туркестанские власти занялись поисками лиц, способных обучать курсантов разговорной речи. Пробный опрос индийцев в этих целях был проведен через уездную администрацию еще в 1895 г. Тогда же в Самарканде и Бухаре был выявлен ряд индийцев, изъявлявших согласие преподавать на курсах [3, ф. И-18, оп. 1, д. 359, л. 4, 6, 8].

Позднее, в 1898 г., с помощью Российского политагентства в Бухаре был найден некто Фебдас, сын Чильдаса, согласившийся заниматься с курсантами в Асхабаде [3, ф. И-3, оп. 2, д. 35, л. 108].

В 1898—1899 гг. практические занятия по хиндустани на курсах в Ташкенте вел упоминавшийся выше кашмирец Кабир-шах Мустафин. Добросовестным отношением к делу он заслужил авторитет среди русских преподавателей, которые подчеркивали, что своим успехом «курсы ему немало обязаны» [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1532, лл. 9—10].

Впоследствии разговорному хиндустани курсантов обучали и другие индийцы. Некоторые из них, по характеристике преподавателя курсов И. Д. Ягелло, приобретали такой навык в ведении практических занятий, что при хорошем знании русского языка вполне могли проводить их самостоятельно без помощи преподавателя-европейца [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1662, л. 234].

Роль индийцев-преподавателей на туркестанских курсах языка хиндустани была довольно существенна. В учебный план были включены регулярные беседы учащихся с ними, ответы на их вопросы и устный перевод их речи на русский язык. Индийцы участвовали и в приеме выпускных экзаменов. В качестве основного испытания выпускник курсов должен был выполнять роль переводчика между экзаменационной комиссией и индийцем-преподавателем, переводя вопросы и ответы из области быта, религии, промышленности и т. д. (4, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261/911, д. 520, лл. 9—11, 19).

Поскольку индийцы-преподаватели в отдельных случаях проводили отпуска на родине, руководство курсов поручало им покупать на месте литературу и учебники [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1589, лл. 181—182]. Впоследствии преподаватели курсов адаптировали тексты этих книг, снабжали их словарями и использовали их в качестве учебных пособий. Некоторые из них были изданы в Ташкенте литографским способом.

Следует особо подчеркнуть, что туркестанские курсы языка хиндустани являлись первой в России попыткой наладить систематическое изучение живых языков Индии сравнительно широкой группой людей. Кроме того, многие (если не все) учебники и словари хиндустани, изданные в России в конце XIX — начале XX в., увидели свет именно в Ташкенте или были написаны людьми, служившими здесь. Все это

дает право рассматривать деятельность курсов как одно из крупных событий в истории русской индологии.

Подводя общие итоги вышеизложенному, необходимо отметить следующие моменты.

Выходцы из Индии в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. являлись частью значительного слоя эмигрантов, по разным причинам выезжавших из Индии в соседние с ней страны Среднего Востока. В то же время индийских эмигрантов можно рассматривать как одну из сравнительно небольших, но чрезвычайно своеобразных прослоек пришлого населения Туркестана и Бухары. Существование индийских колоний в Средней Азии в описываемый период явилось одним из этапов в истории экономических и культурных связей между народами Индии, Средней Азии и России. В этих областях общение индийцев с коренным и европейским населением Средней Азии принесло свои определенные положительные результаты. Все это свидетельствует о том, что изучение истории индийских колоний в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. имеет известный интерес с точки зрения истории взаимоотношений между народами Индии и Советского Союза.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Архив внешней политики России».
2. «Ленинградское отделение ИНА АН СССР».
3. ЦГА УзССР.
4. ЦГВИА СССР.
5. «National Archives of India, Foreign Department».
6. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XV, Узбекская ССР, М., 1928.
7. Ганди М. К., Моя жизнь, М., 1959.
8. «Известия русского географического общества», 1867, № 6.
- 8а. Костенко Л., Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., СПб., 1871.
9. Костенко Л., Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. I, СПб., 1880.
10. Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911.
- 10а. Лыкошин Н. М., Письмо из туземного Ташкента,— газ. «Туркестанские ведомости», 1894, № 9; 1896, № 92.
11. Маев Н., Азиатский Ташкент — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876.
12. Мухаммед Юсуф Мунши, Муким — ханская история, Ташкент, 1956.
13. Небольсин П. И., Очерки торговли России с Средней Азией,— ЗРГО, кн. X, 1855.
14. «Новая история Индии», М., 1961
15. Обзор Ферганской области за 1909 г., Скобелев, 1911, Приложение 3.
16. Остроумов Н. В., География Туркестанского края с краткими сведениями о ханствах Бухарском, Хивинском и Закаспийской области, Самарканд, 1891.
17. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», т. 82, 83, 85, 86, 89, СПб., 1904—1905.
18. Петров-Батурич С. В., Встреча с племянником Нана-Саиба в Петербурге,— «Русский вестник», 1879, № 6.
19. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 55 (газ.).
20. «Туркестанские ведомости», 1913, № 2/44561 (газ.).
21. Хорошхин А. Самарканд,— «Туркестанские ведомости», 1872, № 44.
22. Albrecht M., Russische Centralasien, Hamburg, 1896.
23. Eversman E., Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1882.
24. Lansdell H., Russian Central Asia, London, 1885.
25. Lansdell H., Throught Central Asia, London, 1887.
26. Schuyler E., Turkestan, Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bokhara and Kuldja, vol. I, London, 1876.
27. Schwarz, Turkestan — die Wiege der indogermanischen Völker, Freiburg, 1900

Новая Греция 1879.
№ 1364.

Индусы и ихъ промыселъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Индусы, проживающіе въ городахъ Туркестанскаго края, всѣ безъ исключенія переселились сюда изъ Индіи. Индусы торгуютъ здѣсь деньгами. Индусъ — капиталистъ въ Индіи, вручивъ часть своего капитала какому-нибудь пользующемуся довѣріемъ лицу, отправляетъ его во внутренніе города Средней Азіи, съ тѣмъ чтобы этотъ довѣренный чело-вѣкъ увеличилъ врученный ему капиталъ вдвое или втрое и вмѣстѣ съ тѣмъ пересылалъ бы ежегодно чрезъ вѣрнаго попутчика отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Есть также здѣсь такіе индусы, которые, прибывъ съ маленькими деньгами, составили себѣ посредствомъ эксплуатаціи населенія очень солидные капита-лы, но такіе субъекты ведутъ свои дѣла болѣе съ крупными торговцами изъ туземцевъ. Индусъ, прибывшій въ одинъ изъ городовъ Средней Азіи, тотчасъ же начинаетъ сближаться съ тѣми туземцами, отъ которыхъ можетъ извлечь пользу, онъ сулитъ имъ на весьма вы-годныхъ условіяхъ деньги займообразно, и въ концѣ концовъ свой маленькій капиталъ ссу-жаетъ какому-нибудь изъ туземцевъ, съ ко-торымъ только-что познакомился и беретъ съ него за одолженіе по 20 или болѣе процен-товъ съ рубля. При мусульманскомъ владыче-ствѣ эти эксплуататоры вели свои дѣла съ тѣми преимущественно торговцами, которые, производя торговлю на маленькіе капиталы и чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, сами бро-сались съ просьбою о помощи къ обирающему ихъ съ ногъ до головы индусу. Съ подчине-ніемъ туркестанскаго края русскимъ, инду-сы пустили глубокіе корни своего эксплуата-торства въ средѣ простого населенія, которое обираютъ безсовѣстно и безъ жалости, поль-зуясь тѣмъ, что дѣла подобнаго рода подле-жатъ разбирательству судей и что туземцы не знаютъ русскаго языка. Конечно, каждый туземецъ передъ посявами нуждается въ день-гахъ, — но къ кому же обратиться ему съ просьбою о деньгахъ, какъ не къ индусу? Онъ обратился бы можетъ быть къ одному

изъ людей близкихъ, но тотъ такой же безденежный, какъ и онъ самъ. Вотъ узбекъ является къ индусу просить у него 20 руб. изъ процентовъ: индусъ по обыкновенію ломается передъ просителемъ, запрашивая 30 проц. съ рубля въ мѣсяцъ; узбекъ стоитъ на своемъ и предлагаетъ займодавцу 10 проц., индусъ запрашиваетъ 20 проц. и бѣдный узбекъ, волею-неволею соглашается на эти условія, получаетъ деньги, за вычетомъ впередъ процентовъ.

Такимъ образомъ узбекъ вмѣсто 20 руб. получаетъ только 16; затѣмъ на вексельной бумагѣ, заранѣе приготовленной, узбекъ или прикладываетъ тамгу, или же кто-нибудь за него росписывается, а въ иныхъ случаяхъ займодавецъ и проситель совершаютъ у мѣстныхъ казіевъ документъ, который очень легко смыть. Сарты чрезвычайно искусно смываютъ или слизываютъ самый текстъ на документахъ, оставляя лишь печати административныхъ лицъ, и вписываютъ туда кому что угодно. Сказанной процедурой оканчивается сдѣлка о деньгахъ. Приходитъ срокъ платежа. Узбекъ кое-какъ собираетъ то количество денегъ, которое ему нужно для уплаты индусу, является къ нему и, вручивъ деньги, требуетъ съ займодавца возвращенія документа, совершеннаго казіемъ, но индусъ, получивъ деньги, объявляетъ должнику, что онъ будто бы просимый документъ случайно потерялъ, или же обѣщаетъ документъ возвратить послѣ. Удовольствуясь этимъ, узбекъ возвращается во свояси. Спустя нѣсколько дней, тотъ же индусъ, пользуясь невозвращеннымъ документомъ своего бывшего должника, возбуждаетъ искъ у судьи, которому, представляя документъ, заявляетъ, что такой-то узбекъ не уплатилъ ему въ срокъ взятыхъ займообразно денегъ. Судья высылаетъ черезъ уѣздное управленіе повѣстку, по которой не только простые узбеки, но даже и городскіе жители рѣдко являются аккуратно въ день вызова, а иные даже вовсе не являются. Этого конечно и нужно индусу, потому что судья исковое дѣло индуса, за неявкою отвѣтчика, рѣшаетъ заочно и копію съ заочнаго рѣшенія черезъ уѣздное же управленіе препровождаетъ къ отвѣтчику, который, получивъ повѣстку и копію съ заочнаго рѣшенія (не переведеннаго на туземный языкъ), становится въ тупикъ, не зная, что дѣлать съ полученными бумагами. Узбекъ является къ волостному управителю и

просить его объяснить содержание полученных бумаг; волостной управитель, такой же неграмотный, какъ и онъ, объясняетъ ему, „что вотъ, дескать, тебѣ пришла отъ судьи „хукумъ-хатъ“ (повѣстительная бумага) и ты долженъ вотъ, дескать, эту бумагу принять и оставить у себя, а на другой бумагѣ долженъ росписаться или приложить тамгу (знакъ) въ полученіи и передать мнѣ, а я отправлю ее обратно въ уѣздное управленіе“. Вотъ все, въ чемъ заключается объясненіе волостного управителя, и бѣдный узбекъ, ровно ничего не зная, что заключается въ полученныхъ имъ бумагахъ, возвращается домой, не предвидя, что его ожидаетъ въ будущемъ. Въ другихъ случаяхъ въ повѣсткахъ росписываются мирзы (писцы) волостныхъ управителей и приложенныя къ повѣсткѣ бумаги какъ копіи съ заочныхъ рѣшеній, безъ всякихъ объясненій передаютъ по принадлежности. Проходитъ день за днемъ и, наконецъ, двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ узбекъ долженъ былъ апеллировать неправильное рѣшеніе судьи, но ему не до того, онъ давно забылъ о заочномъ рѣшеніи судьи и занимается своей обыденной работой. Наконецъ, истекаетъ двухнедѣльный срокъ, — судья выдаетъ истцу исполнительный листъ, — рѣшеніе вступило въ законную силу; узбекъ и въ усъ себѣ не дуетъ, зная только, что давно покончилъ расчеты съ индусомъ, какъ вдругъ является къ нему индусъ совмѣстно съ волостнымъ управителемъ и требуетъ съ него давно уже уплоченный долгъ; узбекъ говоритъ, что давно покончилъ расчеты съ индусомъ, но волостной управитель, не принимая ничего во вниманіе, приступаетъ къ описи движимаго имущества узбека, который стоитъ, какъ громомъ пораженный около дѣйствующихъ лицъ, переминаясь съ ноги на ногу. Не зная отчего все это произошло, бѣдный узбекъ является въ уѣздное управленіе и подаетъ жалобу о томъ, что у него волостной управитель описалъ все имущество въ пользу индуса, которому онъ давно уже уплатилъ долгъ; уѣздное управленіе, узнавъ, что рѣшеніе судьи вошло въ законную силу, разумѣется, отказываетъ узбеку въ просьбѣ на законномъ основаніи. Въ горькомъ раздумьи и со слезами на глазахъ является бѣдный узбекъ домой, гдѣ его ожидаетъ такая же участь, ибо вскорѣ является волостной

управитель вмѣстѣ съ истцомъ и начинаютъ производить продажу имущества узбека на соответствующую сумму, а если у него не хватаетъ движимаго имущества на покрытіе долга, то заставляютъ его продать кому нибудь изъ постороннихъ свой домъ и покрыть долгъ. Такимъ образомъ узбекъ остается безъ одежды и кровли. Бываютъ здѣсь и такіе случаи, что туземцы занимаютъ у индусовъ различное количество денегъ, но, уплачивая ихъ частями, не имѣютъ обыкновенія дѣлать отѣтокъ на выданныхъ ими индусу документахъ, что уплачено дескать столько-то рублей и такого-то числа, а надѣются на обѣщанія и добросовѣстность индуса, который, пользуясь этимъ, нагло обираетъ ихъ. Когда наступаетъ время полной уплаты, индусъ вѣщаетъ искъ къ судьямъ и взыскиваетъ вновь все деньги цѣлкомъ. Подобные случаи вы встрѣтите здѣсь сплошны да рядомъ.

Необходимо было бы положить конецъ подобному злоупотребленію, а иначе можно ожидать раззоренія до-тла и безъ того небогатаго туземнаго населенія края, которое легко отдается въ полное распоряженіе ростовщиковъ-индусовъ.
